

ВЗЯТИЕ СВЕАБОРГА ВЪ 1808 ГОДУ.

(Окончаніе) ¹⁾.

Крѣпость сдалась. Результаты осады превзошли всякія первоначальныя ожиданія русскихъ и не оправдали столькихъ упованій шведовъ, возложенныхъ на крѣпость, «слава» которой не соразмѣрена была съ ея дѣйствительною силой и боевою готовностью. Искать причину всему въ подкупѣ и измѣнѣ было, конечно, всего легче. А тутъ еще появилась книга, изъ которой можно было вычитать, что русскіе прибѣгали также и къ помощи денегъ. Далѣе разсуждать нечего было! И дѣйствительная исторія свеаборгскаго дѣла покрылась пятномъ, подъ которымъ никому не было охоты разбирать первоначальныя начертанія. А между тѣмъ въ нихъ скрывалась истина. Непосредственно за окончаніемъ осады, участникъ сего событія, офицеръ шведской службы J. G. Båth (Ботъ), въ изданной имъ въ 1809 г. въ Стокгольмѣ брошюрѣ «О причинахъ сдачи Свеаборга и положеніи его во время осады», писалъ: «Нѣтъ, я заботливо постараюсь доказать, что *неумѣнье*, по крайней мѣрѣ, *на половину*, принимало въ этомъ участіе...» Ботъ подчеркнул приведенныя нами соображенія, оспаривалъ всякія розсказни «о бочкахъ съ червонцами» и горячо отстаивалъ честность Кронстедта, видя въ немъ «душевно-больного» человѣка, лишеннаго вслѣдствіе этого недуга прежняго своего генія ²⁾. Также энергично вступился за Кронстедта передъ потомствомъ, какъ мы видѣли, и графъ Сухтеленъ ³⁾. Лично Кронстедтъ

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» 1900 г., № 11. ²⁾ Båth. «Orsaken till Sveaborgs öfvergång». Stockholm, 1809, стр. 9, 52 и 53. ³⁾ Сухтеленъ, стр. 53, 55 и др.

до такой степени былъ спокоенъ душой и убѣжденъ въ правотѣ своего дѣла, что выговорилъ себѣ свободный возвратъ въ Швецію, желая тамъ дать отчетъ въ своемъ поведеніи. Его едва убѣдили отказаться отъ столь рискованнаго шага. Онъ остался и 12 лѣтъ спустя окончилъ свои дни въ Финляндіи, «забытый и опозоренный соотечественниками».

Потомство клеймитъ его, забывъ о Егергорнѣ и о недостойныхъ членахъ совѣта Кронстедта. Особенно негодуешь на Кронстедта Финляндія, которая, устами своего поэта I. Л. Рунеберга, заклинаетъ современниковъ и потомство не называть по имени «шведскаго вице-адмирала снятаго флага», сдавшаго Свеаборъ:

«Возьми весь мракъ могилъ сырыхъ,
Всю жизни скорбь и тьму,
И имя ты создай изъ нихъ,
И дай потомъ—ему:
Все-жъ это имя, даръ могилъ,
Свѣтлѣй того, что онъ носилъ!»

Для характеристики отношенія финляндцевъ къ свеаборгскому дѣлу, передадимъ здѣсь кстати еще главное содержаніе другого рунебергскаго стихотворенія «Братья», принадлежащаго къ тому циклу его патріотическихъ твореній, которыя извѣстны подъ общимъ именемъ «Разсказовъ Фенрика Столя». Повѣствованіе начинается описаніемъ дома одного изъ братьевъ. Домъ этотъ ютится среди обыкновенной финляндской природы; въ немъ живетъ старый, сердечный, простой и гостепріимный Юганъ Ваденшерна. Каждый посѣтитель сего дома сразу чувствуетъ себя, какъ бы въ родномъ гнѣздѣ у добраго отца. «Не произноси только одного имени, имени, которое пусть умретъ въ нашей памяти. Говори обо всемъ и онъ выслушаетъ тебя спокойно: не называй только слова «Свеаборгъ», чтобы не парушить его покоя и не возмутить его духа. Все, что прежде плѣняло его сердце: его страна, вѣрность, сила и честь его народа, все, все, что окрыляло его мысль, все онъ похоронилъ въ могилѣ сихъ утесовъ, и теперь онъ каждый разъ содрогается (отъ ужаса), когда ему приходится услышать названіе этой могилы. Его старыя раны горятъ, когда звукъ «Свеаборгъ» касается его уха. Однажды, въ темный зимній вечеръ старый Ваденшерна сидѣлъ у затопленной печи, спокойно прислушиваясь къ свисту бури, шумѣвшей на дворѣ. Онъ былъ одинъ.

Семья уже спала. Вошелъ прохожій, моля о пристанищѣ. Всмотрѣвшись въ пришельца, по сердцу Ваденшерна пробѣжала дрожь. То не былъ кто-либо чужой: передъ нимъ стоялъ его родной, любимый братъ, котораго онъ не видалъ 19 лѣтъ. Никто изъ чужихъ не оставался такъ долго у его порога; ни одинъ незнакомецъ не преклонялся такъ покорно, какъ вновь вошедшій скиталецъ. Ни слова, ни звука! Минуты проходили за минутами, какъ бы въ присутствіи мертвыхъ. Наконецъ, пришедшій братъ трогательно раскрылъ свои объятія. На мгновеніе призывъ сердца былъ, казалось, понятъ и старый Ваденшерна потрясенъ. Но то была короткая секунда: когда она миновала, онъ холодно отвернулся и рукою отклонилъ объятіе. Тогда раздался голосъ отвергнутаго, глухой и ужасный, какъ вздохъ изъ могилы: «Братъ! дай льду растаять въ твоей груди; не презирай того, кто ищетъ утѣшенія! Знаю, виновенъ я. Я осужденъ судьбой нести тяжелый гнетъ тѣхъ дней, когда сдался, не обогранный кровью, финскій воинъ, тѣхъ дней, когда твердыня Швеціи (Свеаборгъ) была продана и взята. Не я въ то время былъ тотъ сильный, который, выступя впередъ, напомнилъ о долгѣ и всталъ къ рулю событій. Скажи, что этого не сдѣлалъ я; но не сокрушай своимъ презрѣніемъ!» Онъ смолкъ, склонилъ чело и залился горячими слезами. Въ груди стараго Ваденшерна чувствовалась боль и бушевала буря. Твердою рукою онъ безмолвно снялъ со стѣны пистолетъ и направилъ его въ сердце брата». Преданье прибавляетъ, что по уходѣ его, суровый Ваденшерна сидѣлъ безъ сна и покоя, проплакавъ вечеръ и долгую ночь; онъ плакалъ еще, какъ дитя, когда занялася заря.

Строгій приговоръ финляндевъ надъ дѣйствіями адмирала Кронстедта произнесенъ ими преждевременно; они недостаточно вслушались въ показанія современниковъ и мало вчитались въ изслѣдованія историковъ. Вотъ что рассказываетъ, на примѣръ, г-жа Лампе (урожденная баронесса Врангель), гостившая во время осады въ семействѣ Кронстедта. «Однажды», говоритъ она, — «сидѣли мы за обѣдомъ, когда Кронстедту было передано письмо изъ Швеціи. Прочитавъ письмо, онъ поблѣднѣлъ; затѣмъ заперся въ своемъ кабинетѣ и не выходилъ оттуда три дня. Черезъ три дня вышелъ, наконецъ, грустный и убитый, и объявилъ, что долженъ сдать Свеаборгъ. Письмо онъ уничтожилъ, говоря, что одинъ принимаетъ всю вину на себя. Впослѣдствіи, онъ какъ будто проговорился, что получилъ приказаніе изъ Швеціи сдать крѣпость, такъ какъ уже тогда было рѣшено низложить короля

Густава IV»¹⁾. Сопоставляя это свидѣтельство съ заявленіями генерала Сухтеленa, I. Бота и другихъ о честности и безкорыстіи Кронстедта, имѣя въ виду нравственную распущенность шведскаго правительства того времени, а также и то, что Кронстедтъ упорно желалъ ѣхать въ Стокгольмъ, чтобы тамъ оправдаться въ своихъ поступкахъ и, зная, наконецъ, что онъ передъ смертію сжегъ свои бумаги, предназначенныя для его оправданія, мы убѣждены, что Кронстедтъ, во время несчастныхъ для него свеаборгскихъ дней, остался вѣренъ своимъ высокимъ нравственнымъ качествамъ, которыя замѣтно выдѣляли его изъ окружавшей среды, и не занялъ своего имени ни измѣной, ни подкупностью.

Это мы писали еще въ 1895 г.²⁾, основываясь на томъ матеріалѣ, который былъ тогда намъ доступенъ. Послѣ того финляндскій историкъ Даніельсонъ въ своемъ трудѣ «Финская война и финскіе войны 1808—1809 гг.»³⁾ подвергъ вопросъ о подкупѣ свеаборгскаго коменданта Кронстедта всестороннему разслѣдованію, и такъ какъ эта часть его работы, прекрасно выполненной, въ виду многочисленныхъ приводимыхъ имъ новыхъ данныхъ, является очень интересной, то мы представимъ здѣсь сущность добытыхъ имъ новыхъ результатовъ.

Въ конвенціи, заключенной генераломъ Сухтеленомъ и адмираломъ Кронстедтомъ, находилась «отдѣльная статья», въ которой сказано было: «Поелику адмиралъ Кронстедтъ предложилъ, чтобы въ случаѣ сдачи крѣпости въ назначенный срокъ, по силѣ конвенціи, заплачены были со стороны Россійскаго Императора шведскому правительству издержки, сверхъ опредѣленной отъ онаго суммы на содержаніе крѣпости, каковой долгъ по достовѣрнымъ счетамъ составляетъ не болѣе ста тысячъ рейхс-талеровъ шведскою монетою⁴⁾, то главнокомандующій Россійскою арміею графъ Буксгевденъ обязывается испросить на то соизволеніе своего Монарха и употребить всевозможное содѣйствіе къ полученію онаго...»⁵⁾. Послѣ сдачи крѣпости, когда среди недвольныхъ и любопытныхъ ходили всевозможные толки о причинахъ, погубившихъ Свеаборгъ, стали особенно подозрительно относиться къ этой «отдѣльной статьѣ» конвенціи. И такъ какъ общественное мнѣніе болѣе воспримчиво ко всему дурному, то

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ» 1889 г., ноябрь, стр. 453. ²⁾ «Русская Бѣда» 1895 г., июль. ³⁾ «Finska kriget och Finlands krigare 1808—1809», H—fors, 1897, стр. 248 и слѣд. ⁴⁾ Около 200,000 франковъ. ⁵⁾ Гр. П. К. Сухтеленъ. «Картина военныхъ дѣйствій въ Финляндіи». Сиб., 1832 г., стр. 52 и 53.

вскорѣ во всѣ стороны разошлись слухи и догадки, что эти 100 тысячъ рейхс-талеровъ являются суммой, предназначенной лично коменданту. Но документы, которые теперь сдѣлались доступными для изслѣдователя настоящаго вопроса, настолько ярко освѣтили дѣло, что по отношенію къ личности Кронстедта не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ полнѣйшемъ безкорыстїи. Въ 1832 г. графъ П. К. Сухтеленъ въ своей книгѣ о военныхъ дѣйствїяхъ 1808—1809 гг. заявилъ, что «конвенція сія, въ самомъ дѣлѣ, довольно замѣчательная, а особливо сія послѣдняя статья подала поводъ къ разнымъ толкамъ. Имѣя точныя свѣдѣнія о всѣхъ подробностяхъ сихъ переговоровъ, мы считаемъ обязанностью опровергнуть всякое несправедливое нареканіе въ семъ отношенїи. Мы смѣло утверждаемъ, что *самая мысль о постыдномъ подкупѣ чужда была договаривавшимся сторонамъ*. Оба генерала, посѣдѣвшіе на полѣ чести, могли вести переговоры съ различными успѣхами; но они равно неспособны были—одинъ къ предложенію, а другой къ принятію средствъ, противныхъ чести»¹⁾. Гр. Сухтеленъ могъ сдѣлать подобное заявленіе открыто и громко, въ виду того, что подробности дѣла ему извѣстны были изъ первыхъ рукъ, но, къ сожалѣнію, книга его, для которой онъ добросовѣстно въ продолженїи 17-ти лѣтъ собиралъ матеріалъ и въ которую вписалъ приведенныя слова, составлена была первоначально на французскомъ языкѣ и отпечатана въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ²⁾. Его правдивое описаніе похода, — каковымъ описаніемъ онъ, между прочимъ, желалъ «заплатить достойную дань воинскимъ доблестямъ двухъ націй», — едва было тогда замѣчено.

Король Швеціи, узнавъ о сдачѣ Свеаборга, повелѣлъ немедленно предать полевому суду коменданта и весь его военный совъѣтъ. Судъ въ Торнео заочно приговорилъ Кронстедта и его несчастныхъ боевыхъ товарищей къ смертной казни. Обстоятельства сложились такъ, что приговоръ этотъ не былъ утвержденъ верховною властью, но тѣмъ не менѣе имя Кронстедта переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ имя измѣнника, подкупленнаго русскимъ золотомъ! Но теперь историку нашихъ дней удалось ознакомиться со свидѣтельскимъ показаніемъ одного современника Кронстедта, которое совершенно снимаетъ со шведскаго адмирала это позорное пятно. Точность и справедливость требуютъ

¹⁾ Гр. П. К. Сухтеленъ. «Картина военныхъ дѣйствїй въ Финляндіи». Сиб., 1832 г., стр. 53 и 54. ²⁾ Труды Я. К. Грота. «Назъ скандинавскаго и финскаго міра». Сиб., 1898 г., стр. 584 и 585.

прибавить, что на это свидѣтельское показаніе ранѣе Даніельсона указалъ финляндскій писатель Робертъ Кастренъ (въ 1881 г.) въ своей книгѣ «Разказы изъ новой исторїи Финляндіи», но указалъ какъ-то мимоходомъ¹⁾. Заслуга же проф. Даніельсона заключается въ томъ, что онъ наиболѣе полно разслѣдовалъ вопросъ. То слово, которому принадлежитъ рѣшающее значеніе въ разсматриваемомъ вопросѣ, сказано было Ребиндеромъ тоже давно, но до послѣдняго времени не обращало на себя должнаго вниманія.

Финляндскій министръ статсъ-секретарь гр. Р. Ребиндеръ оставилъ послѣ себя записки «Souvenirs de ma vie» (до сихъ поръ не напечатанныя), въ которыхъ онъ коснулся также вопроса о капитуляціи Свеаборга. Оказывается, что адмиралъ Кронстедтъ зимой 1808—1809 гг. прїѣзжалъ въ Петербургъ за полученіемъ той суммы, которая оговорена была въ конвенціи и по сему дѣлу неоднократно обращался къ Ребиндеру, какъ къ финляндскому должностному лицу, прося, напримѣръ, представить себя Спрентпортену, который занималъ тогда постъ финляндскаго генераль-губернатора, и Сперанскому, который фактически вѣдалъ всѣ дѣла вновь покореннаго края. У означенныхъ сановниковъ Кронстедтъ просилъ содѣйствїя своему дѣлу. По словамъ Ребиндера, Спрентпортенъ обѣщалъ помочь адмиралу, но Сперанскій уклонился, ссылаясь на то, что это дѣло входитъ въ кругъ вѣдомства финансоваго департамента. Обращался Кронстедтъ и къ Аракчееву, и товарищу министра иностранныхъ дѣлъ, гр. Салтыкову, но безрезультатно. Наконецъ, адмиралъ удостоился аудїенціи у Государя Императора, который милостиво соизволилъ повелѣть (Голубцову) уплатить сполна всю условленную сумму. Это послѣднее обстоятельство удостовѣряется документомъ (отъ 9-го декабря 1809 г.), на которомъ имѣется собственноручная подпись Императора Александра I²⁾. Государь повелѣлъ выдать Кронстедту пенсію, въ размѣрѣ 4,500 рейхс-талеровъ и 50,000 рейхс-талеровъ, кои онъ лично потерялъ отъ участія (своими акціями) въ обществѣ спасанія судовъ и грузовъ. Что же касалось убытковъ, понесенныхъ адмираломъ по содержанію крѣпости Свеаборга, то ему предписано было,

¹⁾ Rob. Castrén. Skildringar ur Finlands nyare historia; стр. 256, 259—264.

²⁾ Предписаніе это приведено у Даніельсона на стр. 252 и тутъ же разсказана интересная исторїя сего документа.

предварительно получения денег, представить соответствующіе счета Спренгтпортену для изслѣдованія и провѣрки ¹⁾.

Въ изложенномъ, прежде всего, обращаетъ на себя вниманіе та гласность и открытость, съ которой дѣйствовалъ бывший комендантъ крѣпости. Взятки обставляются таинственностью, а Кронстедтъ дѣйствовалъ при свѣтѣ дня. Съ однимъ уже этимъ обстоятельствомъ необходимо считаться. Но не всё еще тучи разсѣяны. Не безъ основанія рождаются вопросы о томъ, какъ и почему комендантъ изъ своихъ средствъ продовольствовалъ гарнизонъ, и что это за своеобразное общество спасанія судовъ и грузовъ? Всѣ эти вопросы теперь изслѣдованы и по каждому изъ нихъ данъ вполне удовлетворительный отвѣтъ. Ребиндеръ отмѣтилъ въ своихъ мемуарахъ, что въ его время въ Гельсингфорсѣ жили еще люди, которые знали, что купцы Heydenstrauch и Sederholm изъ патриотизма, безъ всякихъ гарантій и залоговъ, взяли, во время осады Свеаборга, быть банкирами крѣпости. Очевидно, что признательность къ нимъ Кронстедта побудила его сдѣлать все, что было въ его власти, дабы почтеннымъ купцамъ были возмѣщены ихъ выдачи. Къ этому Ребиндеръ прибавляетъ, что впоследствии ему Спренгтпортенъ показалъ начку счетовъ, по которымъ Кронстедтъ уплатилъ долги крѣпости. Что касается общества спасанія судовъ и грузовъ, то установлено, что такое общество действительно существовало въ Швеціи. Оно было учрежденіемъ официальнымъ и король лично назначалъ его акціонеровъ. Въ дневникѣ, веденномъ извѣстнымъ шведскимъ дѣятелемъ I. A. Эренстрёмомъ, опредѣленно отмѣчено, что король Густавъ IV Адольфъ, назначая Кронстедта свеаборгскимъ комендантомъ, въ то же время далъ ему акціи названнаго общества, которыя должны были давать ему весьма существенный годовой доходъ ²⁾, такъ какъ общество являлось монопольнымъ. Слѣдовательно, въ свеаборгской конвенціи ничего не было замаскированнаго и уплаченные 50,000 талеровъ соответствовали дѣйствительному убытку, понесенному Кронстедтомъ.

Коснувшись свидѣтельства Эренстрема, можно кстати приба-

¹⁾ Одновременно Кронстедтъ хлопоталъ и за тѣхъ, которые составляли военный совѣтъ въ крѣпости. Всеподданнѣйшее письмо его объ этомъ изъ Гельсингфорса къ Государю Императору помѣчено 23 августа 1809 г. (См. «Сборн. истор. матер.», извлеч. изъ архива собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи; 1890 г., т. III, стр. 249 и 250). ²⁾ Ehrenström, Historiska anteckningar, II, 490.

вить слѣдующую, относящуюся къ настоящему дѣлу, подробность. Въ 1808 г. онъ жилъ въ своемъ имѣніи около Стокгольма, откуда съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за осадой Свеаборга. Когда Эренстремъ узналъ, что крѣпость сдалась русскимъ, онъ настолько заболѣлъ, что слегъ въ постель и тѣмъ не менѣе не рѣшился обвинить коменданта въ продажности, какъ это сдѣлало стокгольмское общество, основываясь исключительно на распространенной молвѣ. Въ письмѣ къ своему другу Аминову Эренстремъ, напротивъ, писалъ, что давно уже признавалъ капитуляцію Свеаборга возможной, вслѣдствіе того, что крѣпость не была приспособлена къ защитѣ отъ нападенія зимою съ суши; кромѣ того она, для вѣрной обороны, въ виду своей растянутости, требовала по крайней мѣрѣ 10,000 человѣкъ и, наконецъ, высоты Ульрикасборга и Бокгольма господствовали надъ ней. «Всѣ теперь считаютъ Кронстедта измѣнникомъ, подкупленнымъ неприятелемъ и даже опредѣляютъ величину той суммы, за которую онъ якобы продалъ себя. Мнѣ же представляется совершенно невѣроятнымъ (alldeles otroligt), чтобы мужъ чести могъ забыться до такой степени... Для меня по крайней мѣрѣ ясно, что главнымъ мотивомъ его поведенія явилась мысль, которую онъ себѣ усвоилъ, что нѣтъ возможности протовостоять волѣ всеильнаго Бонапарта, а также вытекавшая изъ нея увѣренность, что разъ Финляндія въ Тильзитѣ была подарена Россіи, то приведенію въ исполненіе этого декрета не въ силахъ помѣшать никакая человѣческая власть, а потому упорное сопротивленіе Свеаборга дѣлалось бесполезнымъ и даже, если бы оно долго продолжалось, въ состояніи было бы навлечь неисчислимыя несчастія... на Финляндію» ¹⁾. На союзъ и помощь Англіи Кронстедтъ также не полагался ²⁾.

Ребиндеръ нѣсколько иначе взглянулъ на дѣло. Онъ неоднократно бесѣдовалъ съ офицерами, находившимися въ Свеаборгѣ, и даже съ нѣкоторыми изъ тѣхъ, которые входили въ составъ военнаго совѣта Кронстедта. Объясненія ихъ были довольно согласны между собою. «Они признавали себя виновными въ томъ, что оказались очень слабы и выразили излишнее довѣріе своему началь-

¹⁾ T. Hartman, De tre gustavianerna II-fors, 1899 г., стр. 231, а также «Русская Старина» 1893 г., октябрь, стр. 57. Г-жа Ламце, жившая во время осады въ домѣ Кронстедта, хвалитъ его прямоту и честность и утверждаетъ, что такой человѣкъ не былъ способенъ измѣнить своему долгу и присягѣ изъ-за какихъ-нибудь корыстныхъ дѣлей. («Историческія Вѣстникъ» 1889 г., ноябрь, 453).

²⁾ «Славянца» (журналъ) 1822, т. VIII.

нику... Всѣ они признавали Кронстедта прекраснымъ въ обыденной жизни; но его несостоятельность сейчас же сказала, какъ только измѣнился обычный ходъ дѣлъ. Весьма опытный въ управленіи морскимъ департаментомъ, крѣпостной администраціей и движеніемъ флота, онъ не имѣлъ, однако, достаточно широкаго взгляда и дарованія. И что было важно въ его положеніи, такъ это то, что онъ не обладалъ знаніемъ основныхъ началъ инженернаго дѣла и искусства обороны крѣпости... Всему этому офицеры приводили (Ребиндеру) соотвѣтствующіе примѣры. При этомъ не забывалось, что порохъ расходовался въ непомѣрномъ количествѣ противъ непріятеля, находившагося на далекомъ разстояніи, и люди изнурились безъ всякой пользы. Онъ не дѣлалъ различія между сильными и слабыми пунктами крѣпости, а потому нѣкоторые мѣста, кои могли быть атакованы, оставались безъ надлежащей защиты, тогда какъ другіе незначительные пункты переполнялись и людьми и орудіями».

«Адмиралъ Кронстедтъ понималъ свое ложное положеніе, но его самолюбіе и привычка смотрѣть на себя, какъ на стоящаго выше другихъ, мѣшали ему обращаться за нужными свѣдѣніями къ лицамъ. Сначала онъ надѣялся прикрыть свои недочеты высокимъ тономъ, строгостью, короткими и непонятными отвѣтами...»

Затѣмъ справедливость побуждаетъ Ребиндера добавить, что около Кронстедта не оказалось ни одного способнаго офицера, съ дарованіемъ или познаніями; артиллеріей руководилъ неопытный субалтернъ, а остальные были совершенною заурядностью.

Адмиралу представилось, что полковникъ Егергорнъ (Jägerhorn) по своему чину, возрасту и положенію наиболѣе въ состояніи быть его совѣтникомъ и помощникомъ. Егергорнъ родился въ Финляндіи и, подобно большинству офицеровъ того времени, являлся сторонникомъ Спренгтпортена и убѣжденнымъ послѣдователемъ его плана о самостоятельности Финляндіи. Никакими дарованіями Егергорнъ не обладалъ, кромѣ большой склонности къ интригамъ; военное дѣло ограничивалось для него исполненіемъ нѣкоторыхъ формальностей. Такимъ образомъ Кронстедтъ въ выборѣ своемъ оказался очень несчастливъ.

Егергорнъ началъ съ внушенія адмиралу, что крѣпость не въ состояніи продержаться до мая, если не подоспѣетъ помощь изъ Швеціи. По этому вопросу ему удалось склонить на свою сторону начальника артилеріи — майора Нјагне, любимымъ занятіемъ котораго являлась прогулка по комнатамъ въ халатѣ и туфляхъ.

Нјагне докладывалъ коменданту, что пороха не хватитъ до открытія навигаціи. Егергорнъ, кромѣ того, доказывалъ, что по льду непріятелю легко съ орудіями подойти къ крѣпости и взять ее, такъ какъ стѣны ея, обращенныя къ сушѣ, или плохо построены, или неокончены. Поэтому вопросъ, по его мнѣнію, сводился къ тому, какъ продержаться до прибытія подкрѣпленія.

Отъ членовъ свеаборгскаго военнаго совѣта Ребиндеръ слышалъ, что на совѣщаніяхъ обыкновенно рѣчь держалъ одинъ Егергорнъ, постоянно повторяя свои излюбленные доводы. Тѣхъ, кто намѣревался оппонировать, полковникъ круто и повелительно обрывалъ. Кронстедтъ въ большинствѣ случаевъ молчалъ. «Финляндія находится во власти непріятеля», говорилъ Егергорнъ; «Швеція, вѣдь всякаго сомнѣнія, бессильна воспрепятствовать ея покоренію; это сознается самимъ правительствомъ, не имѣющимъ ни союзниковъ, ни денегъ, ни людей въ достаточномъ количествѣ. Война въ дѣйствительности окончена и Царь Александръ, состоящій въ союзѣ съ Наполеономъ, не отдастъ такого хорошаго приобрѣтенія. При такомъ положеніи дѣла, продленіе сопротивленія Свеаборга не окажетъ никакой услуги Швеціи, оно явится только напраснымъ кровопролитіемъ и Финляндія погружена будетъ въ глубокую скорбь... Пусть опредѣленіе судьбы исполнится! Сдѣлавшись русскими, мы будемъ только счастливы, мы получимъ большую стойкость, подати будутъ понижены и т. д. Подобными разсужденіями — увѣряетъ Ребиндеръ — Егергорнъ пробовалъ воздѣйствовать не только на коменданта, но и на тѣхъ офицеровъ, которые могли имѣть какое-либо значеніе въ совѣтѣ. И Егергорнъ достигъ своей цѣли. Комендантъ былъ «убѣжденъ», что, открывъ ворота крѣпости, онъ окажетъ услугу Финляндіи, Россіи и человѣчеству, не причинивъ въ то же время особеннаго вреда Швеціи».

Факты, приведенные Ребиндеромъ, группируются, слѣдовательно, въ цѣлый обвинительный актъ противъ Егергорна. Помимо всего указаннаго, Ребиндеръ особенно подчеркиваетъ то обстоятельство, что Егергорнъ былъ апостоломъ ученія о независимой Финляндіи, которое насаждено было въ краѣ Спренгтпортенемъ и его апяльскими единомышленниками-заговорщиками за тридцать лѣтъ до свеаборгской катастрофы. Комендантъ крѣпости оказался случайнымъ орудіемъ въ рукахъ послѣдователей этого ученія. Такимъ образомъ, — замѣчаетъ Ребиндеръ, — «Спренгтпортенъ оказалъ Россіи болѣе важную услугу, чѣмъ онъ самъ предполагалъ. То,

что посылалъ этотъ честолюбивый ветеранъ, взросло теперь и капитуляція Свеаборга является, если не первымъ, то, во всякомъ случаѣ, наиболѣе крупнымъ его плодомъ»¹⁾.

Такъ поясняется Ребиндеромъ свеаборгское дѣло въ его дневникѣ.

Проф. Даниэльсонъ, изложивъ эти обстоятельства, набрасываетъ новый историческій портретъ Кронстедта, какъ коменданта. «Онъ не былъ той великой и выдающейся силой, какой предполагали его современники; но въ то же время онъ не былъ и тѣмъ злощастнымъ, подкупленнымъ предателемъ отечества, какого создала изъ него молва, послѣ капитуляціи Свеаборга. Онъ оказался весьма зауряднымъ существомъ. Какъ отдѣльная личность, онъ заслуживалъ уваженія, какъ воинъ, онъ былъ храбръ, въ своей собственной специальности былъ опытенъ и испытанъ, но совершенно лишень тѣхъ познаній и практичности, кои необходимы для того, чтобы отстаивать большую крѣпость, и въ то же время былъ настолько гордъ, что не пожелалъ признать своихъ недостатковъ...»

Итакъ, финляндскій историкъ убѣдился, что Кронстедтъ не былъ подкупленъ. Точно также не былъ подкупленъ и Егергорнъ, въ противномъ случаѣ Русскій Монархъ не удостоивалъ бы его впоследствии своимъ высокимъ вниманіемъ и даже нѣкоторымъ заступничествомъ. Нѣтъ, наконецъ, никакихъ доказательствъ и того, чтобы кто-либо изъ военнаго совѣта, который созывался комендантомъ въ трудные дни осады, голосовалъ за сдачу Свеаборга, вслѣдствіе полученной мзды отъ русскихъ.

Остается затѣмъ фактъ, что Бруновъ и нѣкоторыя женщины, какъ, напримѣръ, жена капитана Рейтеншельда и жена маіора Нјагне, а быть можетъ и другія лица, получили извѣстныя суммы, и что нѣкоторые солдаты при посредствѣ русскихъ денегъ были склонены къ бѣгству изъ крѣпости. Остальной «золотой порошокъ», о которомъ писалъ Буксгевденъ, если и производилъ извѣстное воздѣйствіе, то лишь на низшіе слои гарнизона, а не на его руководящихъ лицъ. Въ виду всего этого, какое же можно придавать серьезное значеніе подкупу?

Кронстедту ставится въ упрекъ тотъ фактъ, засвидѣтельствованный шведскимъ главнокомандующимъ, что онъ еще до начала войны сказалъ: «Швеція никогда не въ состояніи сохранить Свеа-

борга и Финляндіи, если только Россія пойметъ воспользоваться своей преобладающей силой»¹⁾. Но развѣ только онъ одинъ былъ такого мнѣнія? Оказывается, что и другіе держались того же воззрѣнія; такъ, напримѣръ, генераль Аминовъ, который во время похода 1808—1809 гг. состоялъ при главной квартирѣ, въ качествѣ перваго совѣтника Клингспора²⁾.

Комендантъ крѣпости Свартгольмъ — Грипенбергъ — также сжился съ тѣмъ убѣжденіемъ, что противодѣйствовать русской силѣ напрасный трудъ. Въ этомъ смыслѣ онъ высказывался уже въ 1807 году³⁾. Мнѣніе Эренстрѣма о возможности капитуляціи Свеаборга было уже приведено нами.

Надо добавить, что такой пессимистическій взглядъ на положеніе Финляндіи можно отмѣтить у шведовъ еще задолго до войны 1808 г. Въ видѣ примѣра, укажемъ на графа Карла Эренсверда (сына строителя Свеаборга, Августина Эренсверда), который уже въ 1784 г. въ одномъ изъ своихъ писемъ къ королю высказывалъ свое опасеніе, что, въ виду «постоянныхъ вооруженій Швеціи», сосѣднія государства будутъ встревожены и составятъ союзы. «Тогда намъ пришлось бы имѣть дѣло съ настоящей силой! Первой попалась бы въ тиски Финляндія, которая оказалась бы беззащитной и могла бы положиться только на Свеаборгъ. Въ концѣ-концовъ пришлось бы отдать ее. Вообще похоже на то, что Финляндіи намъ не удержать, развѣ что Европа поможетъ намъ»⁴⁾. Тотъ-же пессимистическій взглядъ наблюдается и у Ребиндера. Въ его дневникѣ говорится, что «у насъ было слишкомъ много оснований вѣрить въ то, что Финляндія навсегда останется подъ властью Россіи»⁵⁾...»

Начало войны 1808—1809 гг. и приготовленія къ ней были такого рода, что никоимъ образомъ не въ состояніи были разсѣять пессимистическихъ воззрѣній шведовъ и вселить надежду на какой-либо успѣхъ. Короля не любили и всѣ его дѣйствія, направленные къ принятію мѣръ противъ вторженія непріятели въ Финляндію, лишены были связности и энергіи и скорѣе обнаруживали предоставленіе всего случайному ходу событій. Дѣло обороны король довѣрилъ преимущественно барону Брору Сѣдерстрѣму, котораго Армфельтъ называлъ «уменьшительное чело-вѣческаго разума». Командованіе арміей ввѣрено было Клингс-

¹⁾ Даниэльсонъ, стр. 162. ²⁾ Hartman, стр. 162. ³⁾ Даниэльсонъ, стр. 170.

⁴⁾ «Морской Сборникъ», 1895 г., сентябрь, стр. 128. ⁵⁾ Castrén Skildringar, стр. 259.

порру, которому самъ король не довѣрялъ и который извѣстенъ былъ за труса. Почему же Густавъ Адольфъ не поставилъ болѣе достойное лицо во главѣ войска? Потому, какъ объяснилъ самъ король, что Клингспорръ «явился ко мнѣ и со слезами на глазахъ, говорилъ, что послѣ того, что онъ въ теченіе столькихъ лѣтъ, какъ генераль-аншефъ, въ мирное время командовалъ войсками въ Финляндіи, для него будетъ позоромъ, если, при предположеніи возможности войны, его уволить отъ этого командованія и назначать другого на его мѣсто. Онъ былъ такъ жалокъ, и его слезы такъ растрогали меня, что я былъ вынужденъ согласиться на его просьбу, хотя я знаю впередъ, какъ все теперь пойдетъ».

«Чтобы руководить военными дѣйствіями для взятія обратно Финляндіи, король отправился на Аландскіе острова; но такъ какъ всѣ планы военныхъ дѣйствій были дурно составлены, то всѣ они и не удались... Только и слышно было о приказаніяхъ и контръ-приказаніяхъ, о безпрестанныхъ маршахъ и контръ-маршахъ находящихся въ Швеціи войскъ, которыя этимъ изнурялись»¹⁾.

Потеря Свеаборга была для Швеціи большимъ несчастіемъ. Если бы она сохранила эту крѣпость, то весной, быть можетъ, явилась бы возможность высадить войска на южный берегъ Финляндіи изайти въ тылъ русскимъ, вторгшимся вглубь страны, къ Або и къ Вазѣ, и отрѣзать имъ сообщеніе съ Россіей...

М. Бородинъ.

¹⁾ «Записки Г. А. Эренстрема», «Русская Старина», 1893 года, октябрь, стр. 34, 46 и друг.